

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРА

г. Москва

3. 9. 1979 г.

1 - ЯНВ 1979

КТО ЗАЖЕГ ЗВЕЗДЫ?

Алла ДЕМИДОВА

Алла Демидова сыграла десятки самых разнообразных ролей в театре и кино.

Но сегодня мы хотим представить читателям Аллу Демидову в несколько необычном качестве — в качестве автора книги, которая готовится к выпуску в издательстве «Искусство».

— Я назвала свою книгу «Вторая реальность», — говорит А. Демидова. — Она не задумывалась мною заранее, а родилась из черновых записей в рабочих тетрадях или на полях роли, из дневниковых заметок — воспоминаний о людях, с которыми довелось встречаться, или о событиях, свидетелем которых я была. Мне хотелось создать обобщенный портрет актрисы, опираясь на собственный творческий опыт. Как это получилось, судить читателям...

Сегодня мы знакомим читателей с той главой книги, в которой А. Демидова рассказывает о своей первой роли в кино.

Когда меня пригласили пробоваться в моей первой кинокартине «Дневные звезды», я не удивилась тому, что на эту роль выбрали именно меня, и прошла весь длинный путь испытаний с полной уверенностью, что это мое дело и, если меня не утвердят, ошибку сделаю не я.

Повесть «Дневные звезды» я до этого не читала. К счастью, Игорь Васильевич Таланкин, режиссер этого фильма, дал мне сначала прочитать повесть, а потом уже сценарий. Повесть мне понравилась. После нее сценарий показался грубым, ординарным, прямолинейным. Я, не стесняясь, все это выложила Таланкину. Он со мной согласился и сказал:

— Ну что ж, будем эти барьеры преодолевать вместе.

Во время съемок я почему-то болела: встречаться с Ольгой Федоровной Берггольц, а ей, естественно, хотелось взглянуть на актрису, которая ее играет. Я под любым предлогом уходила с площадки, если приезжала поэтесса. Правда, приезжала она редко — мы снимали то в Угличе, то в Суздале, то в Пскове. Потом, после фильма, когда я познакомилась с Ольгой Федоровной, я поняла, что интуиция меня не подвела: передо мной сидела маленькая, даже миниатюрная женщина с приятной картавостью, с неожиданным взлетом рук к волосам и чуть приподнятым подбородком.

В начале работы, когда роль не сделана, когда перед тобой белый лист и не знаешь, за что взяться, пристаешь к знакомым: «Ну, придумайте мне какую-нибудь привычку», потому что иногда от какого-то жеста, поворота головы оживает роль, — вначале я, естественно, за все бы это схватилась: и за кертавость, и за взлет рук, и за угловатую манеру сидеть бочком на диване, и за многое другое, что характерно для Ольги Федоровны и противоположностью мне.

Я свою героиню искала в ее стихах и заметках, в схожести биографий. Ведь при всей разности биографий поколений можно найти что-то общее, одинаково волнующее, тревожащее. Я искала свою героиню в себе, в своем настоящем, в своих раздумьях о жизни, в воспоминаниях детства. У

нее — голодное детство с сестрой Муськой в Угличе, у меня — с моей молочной сестрой в эвакуационном Владимире.

Мы очень голодали во время войны: помню, как мы сидели с моей бабушкой, сестрой и несколькими беженцами за столом перед Новым годом. На столе картошка, сухари и гнилая свекла. Мы с сестрой не знали вкуса пирожных, но слышали про них и у всех допытывались, какие они и кто их ел? И вдруг мы почувствовали, что мы едим какие-то очень вкусные вещи, похожие на пряники и орехи. Я не знаю, что тогда произошло, может быть, среди беженцев сидел гипнотизер и он пожалел нас, а может быть, мы так поверили в свою игру. Но я до сих пор помню ощущение счастья в тот вечер. Я это чувство часто вспоминала в работе на «Дневных звездах», в сценах, где вот так же чудесно и необъяснимо, словно из небытия, из сказки рождаются стихи.

Рождение поэтических образов... Как это играть? Я все понимала Таланкина: вот в сцене, когда в моей блокадной квартире появляется Муська (из детства) с яблоком и дает мне это яблоко, я его ощущаю, как галлюцинацию или реальность?

— Как реальность, — отвечал Таланкин.

— Оно пахнет яблоком?

— Конечно.

— Но откуда вдруг у меня эта реальность должна появиться?

— Не знаю. Как появляются стихи?

В драматургии фильма причудливо, ассоциативно сочетались воспоминания, видения — рождение поэтических образов — и сегодняшняя жизнь героини. Такая структура требовала полифоничного кино- воплощения. На равных правах в результате существовали и актеры, и камера, и свет, и звук...

К счастью, в группе собрались талантливые люди. Единомышленники. В неизвестное продвигались вместе. По техническим условиям тогдашней пленки нельзя было, например, смешивать черно-белое изображение с цветным. А Маргарита Михайловна Пилихина —

оператор фильма — хотела снимать блокадный Ленинград графично — в черно-белой гамме. Поэтому эти сцены снимались на цветную пленку, а от цвета избавлялись другими средствами: черно-белые костюмы, специальный серый грим (серый тон, от которого шарахались даже ко всему привычные люди на студии). Многие сцены, даже павильонные, снимались на натуре (например, госпиталь, блокадная квартира). Зима в ту пору была, как говорили, такая жестокая, как в блокадном Ленинграде...

...Сцена ополчения, Ольга провожает мужа и вместе с ним в колонне идет по набережной.

Вставай, страна огромная, Вставай на смертный бой...

Сосредоточенный ритм этой песни. Колонна за колонной. Тут и боль разлуки, и приподнятость братской объединенности. И вдруг сквозь слова этого марша Ольга слышит другую. Вполне реально! Она поворачивает голову: на другой стороне набережной навстречу идет почти такая же колонна, но песня и лозунги гремят другие: «Долой лорда Керзона», «Лорду — в морду!» И среди этих людей радостно кричащая вместе со всеми четырнадцатилетняя Оля с отцом и Муськой. Что это? Только кинематографический режиссерско-операторский эксперимент? Нет, рождение стихов.

Яков Евгеньевич Харон — звукооператор фильма, образованнейший музыкант, тонко чувствующий поэзию, — выстроил звуковое решение фильма так, что и оно участвовало в поэтическом творчестве.

...Ольга, после госпиталя, где умер ее муж, идет через зимний изувеченный зоопарк. Черные решетки на белом снегу, черные прутья уперлись в небо, как на картинах сюрреалистов. Ольга идет читать стихи на радио. Какой-то особенный хруст снега. Как хриплый стон. И, цепляясь за решетки, Ольга падает. Звон решетки, прутьев, хруст снега, и вдруг, после полной тишины, долгой, бесконечной — карусель, и на карусели, как из страшного сна, забитованные фигуры. Что это? Изыск? Нет. Так пронзительно рождаются стихи.

Рассказывать о работе над этим фильмом я могу бесконечно. Но для меня и встреча с этими людьми, и Ленинград, в который я попала тогда впервые, и вечное ощущение праздника в душе, — для меня все это слилось со стихами Ольги Федоровны Берггольц.

Я никогда такой счастливой, такой красивой не была...

Эти строчки Ольга Федоровна написала в самые суровые блокадные дни.